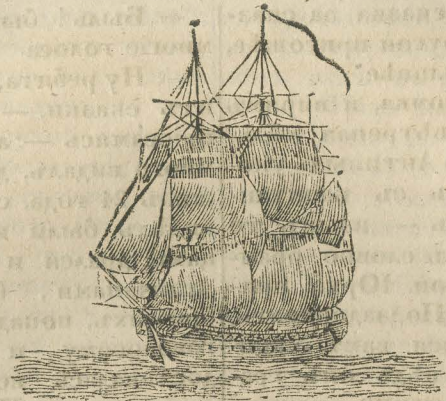

Женщины несли младших дѣтей своихъ за плечами, старшіе дѣти прыгали около нихъ; жалкая кляча тащила въ телѣгѣ нѣсколько вещей изъ домашняго скарба. Студеный вѣтеръ дулъ и заставлялъ маленькую дочку, крѣпче прежняго, прижиматься къ матери, которая, поглядывая на ущербъ моего круга, мечтала о горькой нуждѣ перенесенной ею на родинѣ, размышляла о тягостныхъ подавляхъ, которыхъ чувствовала себя не въ силахъ платить. — Она мечтала за одно съ цѣлымъ караваномъ; зардѣвшійся дневный блескъ свѣтилъ имъ какъ счастье, которому они шли на встрѣчу; они слышали пѣснь замиравшаго соловья, который по мнѣнію ихъ, былъ неложнымъ пророкомъ, а вѣстникомъ счастья; вѣтеръ свистѣлъ, но они не поняли его пѣсни. «Смѣло ставь на море всѣ паруса! Ты заплатилъ уже за дальній переѣздъ всѣмъ своимъ имуществомъ; *Сирѣ и убогъ увидишь ты въ землю обитованную. Тебѣ придет-*

ся продать самого себя, жену, дѣтей твоихъ; но недолго ты пострадаешь! за широкой лиственной сѣнью сидитъ ангелъ смерти; его привѣтливый поцѣлуй вдохнетъ въ кровь твою убійственную горячку, плыви туда по волнистымъ водамъ!» И караванъ скитальцевъ слушалъ радостно соловьиныя пѣсни: онѣ предрекали ему счастье. День свѣтлѣлъ уже съ легкихъ облаковъ; толпы поселянъ стекались черезъ пажити въ церковь; женщины въ черныхъ платьяхъ, закутавъ головы въ бѣлые холщевые покровы, выступали какъ привидѣнія изъ старинныхъ церковныхъ изображеній; кругомъ ширилась необъятная мертвая окрестность, темная блеклая трава, мрачныя вялыя розы, по бѣлой песчаной степи. Женщины съ молитвенниками въ рукахъ поспѣшались въ храмъ... о! молитесь! молитесь за тѣхъ, которымъ путь лежитъ къ далекой могилѣ, по ту сторону, волнистыхъ водъ!

МАТРОЗСКІЯ РОСКАЗНИ НА БАКѢ. (*)

Каютъ-компанія и Бакъ, это два полюса корабельнаго быта. Тамъ и тутъ кипитъ жизнь въ своемъ родѣ оригинальная, затѣливая, веселая. Кто не сиживалъ въ каютъ-компаніи, особливо въ обѣденное время, когда весь корабельный *beau monde* собирается, предается дозволенному комфорту; кто не изучалъ, не прислушивался на бакѣ къ неумолкаемой бесѣдѣ вечно веселыхъ русскихъ матросовъ, собирающихся въ кучку урывками, при малѣйшемъ досугѣ отъ вахтенныхъ дѣлъ — тотъ не имѣетъ полнаго понятія о корабельномъ обществѣ, этомъ миниатюрномъ царствѣ, гдѣ, какъ и въ большемъ, найдете все, отъ геніальнаго барда до шута, служащаго мишенью общей потѣхи и остроты. Корабль *N* летѣлъ орломъ по

Финскому заливу. Волны, подъ мелодическій напѣвъ ровнаго брамсельнаго вѣтра, умненько и дружно рѣзвились кругомъ; паруса стояли хорошо. Вахтенный Лейтенантъ внимательно наблюдалъ за всѣмъ; досужіе матросы забыли все, забились на бакъ — поднялись обычные лясы — кто про что. Я, поотдалъ отъ нихъ, сталъ на карронаду, облегся на сѣтки, будто гляжу за борть.

— Антипычъ! скажи какуюнибудь быль, не то небылицу; ты большой мастакъ на розказни, — началъ новичекъ рекрутъ.

— Не чего ребята, правду надо сказать, подхватилъ формарсовой старой матросъ *Оомка*, ужъ со-противъ нашего Антипыча, врядъ ли будетъ и самъ капитанской деньщикъ; а куда тоже гораздъ, — прахъ его возьми — какъ начнетъ, начнетъ . . . ахъ, ты Господи! ужъ откуда подумаешь, у него беретъ; ну вотъ словно горячіе блины со сковороды объ масля-

*) *Бакъ* называется носовая часть верхней палубы. Это любимое мѣсто матрозскихъ раутовъ и ассамблеевъ въ досужіе часы вахтъ.

ной, такъ у него сказка за сказкой; и все одна другой пригоже, одна другой затѣйливѣе.

— Да что ты, Оомка, и впрямь размололся какъ вѣтреная мѣльница, — заговорилъ Антипычъ уколотый сравненіемъ съ капитанскимъ деньщикомъ — языкъ то у тебя, заполоскалъ словно брамсель, когда рулевой Юрка придерживать круто. Подзадоривать, что ли сталь? дался вамъ капитанской Ванька! вѣдь онъ грамотной: такъ, вѣстимо, нашего брата, темнаго человѣка, ему не велика штука за поясъ заткнуть. Его сказки все съ печатнаго, самыя великатныя. — Анамнясь по казаль онъ мнѣ Илью Муромца въ лицахъ. Чудо, такъ глаза и разбѣгаются: наверху, знаешь, картина, а въ низу все и написано, что на картинѣ значится. — Илья то самъ ужъ видно, что богатырь: въ рукахъ чуть не цѣлая сосна; рожа какъ лопата, ни дать ни взять, у нашего Бодмана Ефимыча; а самъ дѣтина здоровенной таковой, что кажись съ цѣлой вахтой справится

— Не велика мудрость справиться съ этакой вахтой какъ наша, казаль Оомка: только что нагнали рекрутъ, Евреевъ почитай на половину; еще таки бахвалитъ — туда-сюда, сердечные; а ужъ на работу-то не крѣпко тароваты: какъ на рею полѣзешь, такъ не то парусъ загребай, не то его держи, чтобы вѣтромъ не сдуло. — Да что, Степанъ Антипычъ, разкажи и за правду что нибудь, потѣши душеньку. Вѣтеръ, видишь, ровный, погода знатная, что руки-то сложасидѣть да зѣвать, лучше сказку слушать.

— Что же вамъ земляки, былъ не то сказку? . . .

— Быль! быль! — заговорили многіе голоса.

— Ну ребята, другая и былъ стоитъ сказки, — началъ Антипычъ, приосамясь — а я на своемъ вѣку много видалъ, далеко бывалъ. Служилъ 24 года, сломалъ три похода; видѣлъ были и небылицы въ лицахъ; дрался и со Шведами и съ Англичанами, бивалъ и Турокъ бритыхъ, попадало и Греку доволосому, и Тальянцу — паяцу, доставалась всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. . . . Правда приходилось сдачи и самому иной разъ, ну да за всякимъ — не угоняешься, что старое вспоминать. — Велика нужда, что въ крови, благо наша взяла! —

«Однако про баталіи то разкажу ребята когда нибудь въ другой разъ; а теперь надо вамъ сболтать былъ, да прикрасить небылицей, такъ и пойдетъ за урядъ сказки, — словно вотъ какъ и ты, Ванька, рифъ сезня отъ брамъ-шкота отличить не умѣешь, а на марсѣ живешь, такъ и марсовымъ зовуть Шли, знаешь, мы съ партією съ Чернаго моря сюда въ Балтинское

— А какъ, Антипычъ, вы въ Черное то попали, на корабляхъ изъ Архангельска, чтоль, али то же сухимъ? перебилъ его одинъ изъ матросовъ.

— Долга пѣсня, Мирошка, рассказывать, языкъ устанеть. Не въ томъ дѣло какъ попали, а попали, такъ и были тамъ. — Даютъ оладью — говори ладно: бери да и въ ротъ поскорѣй, покуда горяча; а не спрашивай изъ какой муки сдѣлана, да на какихъ дрожжахъ опара заведена. —

«Такъ, вотъ, шли мы съ Чернаго, хохлами — ну ужъ братъ Ступаченко, просимъ прощенія, къ слову пришлось, — да дѣлать нечего!

«что за чудный народецъ такой, эти хохлы: — кто изъ нихъ уменъ, такъ ужъ уменъ какъ бѣсъ, прости Господи, проведетъ и выведетъ, изъ воды сухой выдетъ; снопъ на обухъ вымолотить, зерна не уронить; жида, цыгана, даже нѣмца колониста проведетъ. — Ну, а ужъ коли дуракъ, такъ истой дуракъ; только и знаетъ память свою люльку да пьетъ горилку. А спроси, что — на все одинъ отвѣтъ: «а бись ёго знае! —»

«Идемъ одинъ разъ большой дорогой; видимъ, хохоль задѣлъ колесомъ за верстовой столбъ: кричитъ на воловъ: «цопъ! цобе!» да ругается на чемъ свѣтъ стоитъ. Сойти съ телѣги, отвести воловъ не догадается, да и лѣнь; а столбъ, тоже такой дурной, стоитъ себѣ, съ мѣста не трогается.

— Какъ тебя угораздило на столбъ то наѣхать, спросили наши?

— «Отъ бачъ, пане, яка бисова тиснота!» А дорога то сажень десяти ширины.

«Шли мы; день былъ жаркой, переходъ сдѣлали порядочной, по солдатски сказать, Суворовскій, въ вечеру пришли на ночлегъ въ деревню. —

«Развели насъ по хатамъ; меня да еще двухъ молодцовъ поставили къ мужику хохлу. Семья не большая: самъ, жена да теща; дѣтей, Богъ миловалъ. Самъ бы туда и сюда, да жена и теща, точно сейчасъ съ лысой горы на метлахъ прискакали — что твои вѣдьмы! — Какъ начали намъ молитвы читать, такъ хоть святыхъ вонъ. — Еще бы ругались по русски, оно все-таки сносно: самъ бы отвѣтилъ на порядкахъ; нашему брату баковому не учиться стать, а то бормочутъ по своему, по хохлацки, — точно несмазанная телѣга скрипитъ, — такія слова, что

съ просонковъ, аль на тощакъ и не выговоришь; всякая рѣчь коломъ такъ въ горлѣ тебѣ и станетъ. — Надо быть, на этакія слова и языкъ то у нихъ суконной. — Мой хоть и безъ костей, да не стану его ломать ихними словами, а буду толковать по русскому; оно и вамъ толковѣе и мнѣ сподручнѣе. Вотъ Ступаченко бы и по хохлацки пересказалъ, да жалъ съ нами тамъ не былъ, а мнѣ тогда и на умъ не сбрело послать за нимъ, чтобы онъ прислушалъ, какъ его землячки нашего брата служиваго честятъ. —»

— Чортъ носить васъ, бисовы Москали, дармоѣды проклятые, завопила жена. —

— Видно дѣлать вамъ нѣчего: нигдѣ ужиться не можете; такъ и гоняють изъ мѣста на мѣсто обижать насъ бѣдныхъ, — подхватила теща. —

— Самимъ ѣсть нечего, а имъ подавай. — приняла жена.

— Деньги заплатятъ? — провалялись вы и съ деньгами, продолжала теща, лучше бы вамъ на дорогѣ перепадать, лучше бы

— Лучше бы тебѣ замолчать, трещетка проклятая, прикрикнулъ я на нее. — Экъ расходилась: да этакаго шума и подъ Навариномъ не было. — Что ты въ самомъ дѣлѣ горло то по пусту дерешь! — Что мы, не тому же развѣ Царю служимъ! — За чѣмъ насъ посылають, про то знаетъ начальство; а ни намъ, ни вамъ, глупымъ бабамъ, тарабарить нечего. — Видно пословица то вправду говорить: *у бабы волосъ дологъ да умъ коротокъ*. У тебя matka умъ, кажись, чуть ли будетъ длиннѣе рында-булиня, — знаешь, на корабляхъ веревка въ вершокъ, что въ колоколь *склянки быють*, — еще чуть ли не покороचे — А смотри-ка изъ косы то смѣло

можно сигнальный фаль на гротъ мачту свить. Что ты расхвасталась своимъ хлѣбомъ солью, да мы на вашу дрянъ сало, да вареники и глядѣть не захотимъ, у насъ всегда свое кушанье готово. —

— Ванька! затопляй печку; сказалъ я, оборотясь къ товарищамъ, а ты Петрушка, попроси у хозяйки горшка да воды, кажись въ этомъ не откажутъ: вѣдь они тоже крестъ на вороту носятъ. — Я тотчасъ вернусь, только въ сеняхъ выну изъ кисы разварной камень, у насъ съ разу похлебка поспѣетъ, не хохлацкой чета.

Петрушка и Ванька ошалѣли: однако принялись за дѣло, потому что мнѣ ужъ не въ первые было выручать, да кормить ихъ своими штуками.

Хозяйка присмирѣла и самъ хохоль началъ ей, по своему, выговаривать: что, дескать, не хорошо съ Москалями такъ круто поворачивать, неравенъ случай, на какихъ наткнешься. Онъ бы и много говорилъ, да какъ баба подошла къ печкѣ да взяла клюку, будто что дрова поправить; такъ мой хохоль замолчалъ какъ шука, да за добра ума отправился на палати смотрѣть оттуда, что будетъ. — Даже и теща спустилась подъ вѣтеръ въ дальній уголъ и перебранивалась отгѣль въ полголоса съ Петрушкой, который хлопоталъ около горшка, да честилъ всѣхъ хохловъ и хохлачекъ.

«Я въ самомъ началѣ, какъ вошелъ въ избу, или по ихнему сказать, въ хату, съ разу смекнулъ, что тутъ путемъ ничего не добудешь; а голодному, знаешь, ложиться послѣ 40 верстнаго перехода, не приходится, надо было подняться на хитрости. Вышелъ я на улицу, сыскалъ камень, обмылъ его у колодца, обтеръ поло-

тенцемъ, что было въ фуражкѣ, да въ полотѣнце же и завернулъ. Пришелъ въ избу.

— Ну что, готово? — «Готово!» Благослови Христось! —

Опустилъ камень въ горшокъ и подвинулъ его въ самый пылъ.

— Смотри, Петрушка, дай хорошенько прокипѣть: пусть уварится; а то ты опять, какъ ананьясь, заторопишься съ голоду, вытацишь рано, — ни навару, ни скусу, ни чего не будетъ.

«Самъ я присѣлъ на лавку, да и ну посвистывать, будто вѣтеръ накликаю. — Петрушка работаетъ ухватомъ, а Ванька дровъ подкладываетъ. Вода закипаетъ, а у моихъ любезныхъ хозяйошекъ ретивое ужъ бѣлымъ ключемъ кипить. Дѣло женское: любопытство одолѣло; а спросить, послѣ давишней побранки, не хочется. — Охота смертная, да участь горькая.

«То та, то другая къ печкѣ подойдетъ, будто дрова поправить; а сами такъ и наровятъ въ горшокъ заглянуть: что, каковъ-то наваръ отъ камня? То одна у другой спрашиваетъ: «какой это камень такой, знать не просто? — Ужъ видно, Москали, откуда изъ заморскихъ странъ привезли? — Да и какая страва: чи борщъ, чи лемйшъ?»

А я себѣ и ухомъ не веду, знай посвистываю, да по столу шилевую выбиваю. — Пойте, бабы, лазаря, лучше бы не хаять колодець, а помнить пословицу: что можетъ и изъ него пригодится, воды напиться. Помучилъ я голубушекъ въ волю, наговорились они промежь собою и насмотрѣлись на мой горшокъ до сита. Надо и честь знать: шути да мѣру знай; гяни брамъ брасъ, да вверху посматривай, чтобъ рею не переломить... Прикинулся добрымъ...

— Ну, хозяйошка, такъ и быть;

хоть вы насъ перво на перво встрѣтили и не больно обязательно, да мы народъ служивый, не злопамятны, любимъ послѣ себя оставлять добрыя поминки, а не брань. Ужъ если хотите, такъ я, такъ и быть, попотчую васъ своей похлебкой заморскою съ разварнова камня — Только вѣдь наша походная вамъ не по нраву придется — А ужъ что бы угостить васъ почтительно, такъ надо, для вашего скусу, крупки не много — такъ горстку, другую... Да ты соли бросилъ Петрушка, аль нѣтъ? — Вѣчно забудеть, зъвака!... а крупа все равно какая есть: гречневая, овсяная или ячменная, была бы крупа.

«Варится камень съ крупой и съ солью.

— А что за камень, хозяйошка! куплень по случаю въ Туречинѣ; почти за безцѣнокъ, шесть гинпанскихъ цѣнстровъ заплатилъ, да два фунта русскаго табаку, корешковъ. — На силу на великую Турка согласился продать, и то, молченникъ, половину, почитай, откололъ себѣ. — Онъ, знаешь, по Туречинѣ съ товаромъ ѣздитъ: такъ тоже случится иной разъ съѣстнова и ничево нѣтъ, — а та половина, куды лучше моей; вотъ отъ той бы ужъ и теперь давнымъ давно наваръ былъ; а отъ этой еще чуть начинается. — Ух! еще долго ждать, а вѣсть смерть хочется, на животѣ давно рынду бьютъ; вотъ бабы сала, либо за-тирки, такъ онъ бы скорѣе уварился. . . Ну, да время терпѣть, подождемъ.

— Что ты, что ты, добродію? Да съ какой стати ждать, вишь вы бѣдные какъ устали! — поднялись бабы въ два голоса.

«Не успѣлъ я оглянуться, теща притащила цѣлую чашку сала; хо-

зайка стерла затирку изъ пшеничной муки съ яйцами.

— Чего лучше служивый?

— Всего лучше! чѣмъ больше, тѣмъ скорѣе: и на душѣ и на животѣ веселье. — Вали все въ горшокъ. — Петрушка, возьми ложку, да переворачивай камень; а то верхъ подгоритъ, а низъ переварится. — Ну, хозяйошка, собирай на столъ, скоро совсѣмъ готово. . . . Ахъ, ты господи, изъ ума вонь! а вы, ротозѣи, не напомните; вѣдь будто не знаете, что безъ капусты похлебка вся черезъ край пойдетъ, до дна выкипитъ... вотъ хорошо, что еще во время вспомнилъ!... Нѣтъ ли, хозяйошка, капусты, самую малость, такъ, чтобы сытому зайцу на завтракъ стало? — «Какой, паночку, кислой чи свѣжей, всякая есть?» —

— Все равно, была бы капуста, хоть кислой, да поскорѣе, вонъ ужъ ключемъ закипаетъ.

— Заразъ, добродію.

«И капусту въ горшокъ. Кипить моя похлебка съ разварнымъ камнемъ; а я ласы гну. Ужъ и самъ хохоль слѣзь съ полатей, да штофъ горѣлки на столъ поставилъ, съ радости, что заморской похлебке отвѣдаетъ.

«Поспѣла похлебка, я вынулъ камень, обмылъ, вытеръ, завернулъ въ полотѣнце и положилъ подъ образа. — Выпили горѣлки, ну работать: хозяйка не нахвалитъся, хозяйинъ чуть языка не проглотилъ; а теща за спасибо вынесла цѣлое сито варениковъ. Нашему брату то и на руку. Петрушка да Ванька знай ухмыляются, такъ вотъ чуть не лопнуть со смѣху; а я имъ глазами накликаю, что молчите, дескать, дурни, это еще цѣточки — ягодки то впереди.

— А что, паночку, начала хозяйка, когда мы поужинали; — гишпанскія то пиластры, какъ на наши деньги?

«Дуракъ свиснетъ, а умной слыть.»

— То есть, какъ: на серебро или на ассигнаціи? каждый пиастеръ рублевъ пять съ небольшимъ. —

— Такъ дорогонько же ты, родимый, за камень то заплатилъ, сказала теща, подчюя между тѣмъ горькой. —

— Ну да и то сказать, штука важная, примолвилъ хохоль. —

— Четыре, какъ бишь ты ихъ назвала? записала теща. —

— Пиастра.

— Да, да, пиастра; каждый по пяти рублевъ: (считаетъ въ полголоса) шесть разъ пять, три раза десять..... (въ слухъ) тридцать рублей? —

— А табакъ то ты ни почему ставишь? вѣдь тамъ русской то табакъ, рѣдкое кушанье, что твоя малина, — два фунта: положить крайня цѣна рубли по два съ полтиной за фунтъ, будетъ пять рублей. Стало быть и всего то тридцать пять рублей. — Да это дешевле пареной рѣпы. — Мнѣ за него въ Николаевѣ Агличанинъ пять тысячъ давалъ; да своими деньгами, какими то фунтами, такъ я и не взялъ; куда мнѣ таскаться съ ними; и съ деньгами наплачешься, тягость этакая! — а моя штука сподручѣе: захотѣлъ ѣсть — была бы вода, да горшокъ подложилъ огня, и кушанье готово. — Да и какое кушанье? у васъ и теперь еще ушки на макушкѣ. —

— А будь же ласковъ, добродію, сказала жена, поднося еще чарку и низко кланяясь, — сдѣлай Божескую милость, продай намъ

свой камень; мы тебѣ свою цѣну дадимъ?

— Что вы? что вы? — да въ трое, въ четверо не надо! свою цѣну? — да вы и не держите въ умъ, что своя то цѣна заплачена за моремъ; а за моремъ, знаешь, телка дешева да провозъ дорогъ! А то эдакую штуку отдай я за свою цѣну! И тамъ то онъ будто на всякомъ шагу валяется? Вамъ говорятъ, что камень купленъ по случаю, по знакомству — за безцѣнокъ. — А мнѣ теперь что за край отдавать его? — Еще въ дорогѣ десять разъ нужда случится. —

«Пошла баба съ мужемъ шептаться; тотъ было ни то, ни сѣ; да она прикрикнула, теща погрозила на него, да посмотрѣла на ухватъ такимъ гоголемъ, что бѣдный мой хохоль духомъ вынесъ пятидесятичную ассигнацію. —

— Вотъ, добродію, пятьдесятъ рублей, продай камень; сказалъ онъ, — что тебѣ съ нимъ таскаться: еще пожалуй, гдѣ потеряешь, — украдутъ, да и тягость то этакая — вѣдь вы идете пишки, небоги.

— Ну ужъ полно пѣть соловьято на соснѣ, не къ стати жалосливъ! что, по твоему, солдату на подводѣ ѣхать, какъ барину? — Вотъ, дастъ Богъ, придемъ въ Кронштатъ, такъ вдоволь наѣдимся на такихъ лошадахъ, что бѣжить верстъ 100 и 200 сколько угодно; корму не просить, а пить сама не хочетъ, даромъ что воды подъ носомъ вдоволь.

— А что это за лошадь такая диковиная, служивый?

— Много будешь знать, скоро состарѣешься; а смотри-ка у тебя и такъ ужъ на усахъ сѣдина проскакиваетъ; хочешь посмотрѣть, иди при первомъ наборѣ въ матросы,

такъ и самъ до сыта накатаешься. Ну да что пустяки болтать, такъ и быть, за вашу ласку дѣлаю уваженіе, беру свою цѣну; вотъ вамъ сдачи четыре цѣлковыхъ; не поминайте лихомъ.

«Обрадовались мои хохлы до смерти, не знаютъ чѣмъ угостить. На камень насмотрѣться не могутъ. — Хозяинъ бы изъ рукъ не выпустилъ, да жена взяла въ сумдукъ заперла, а сама то и дѣло бѣгаетъ да поглядываетъ на покупку.

«Попировали мы у нихъ до ночи; выспались съ устали славно; на другой день чѣмъ свѣтъ ушли, и весь переходъ хохотали хохлацкой дури.

До смѣху ли только имъ сердечнымъ было, — замѣтилъ молодой матросъ рекрутъ. — Какъ тебѣ не грѣшно было, Антипычъ, обижать деньгами. Ну ужъ наѣлся, напился, да и Богъ съ нимъ. — А то вѣдь знаешь, мужику тридцать пять — не малыя деньги. —

— Дурь напала, землякъ, грѣхъ попуталъ. — Да каково аукнулось, таково и откликнулось. — Около обѣда сдѣлали мы въ деревнѣ привалъ. — Товарищи пристали ко мнѣ: поднеси Антипычъ на радости по чаркѣ. — Ладно, для чего не угостить благопріятелей сослуживцевъ. — Я къ шинку, вынулъ шинкарю жиду пятидесятичную ассигнацію.

— Давай, жукъ черномазый, польвиdra вина, да смотри цѣлаго, не разведеннаго; остальное сдачи. «Жидъ взялъ ассигнацію, я заговорился съ своими; оглядываюсь — онъ вытаращилъ на меня глаза; бумажку положилъ на прилавокъ, и ни съ мѣста.

Что же ты, Еврейская образина? вина, слышишь? поворачивайся проворнѣе! али сдачи у тебя нѣтъ?

Гл. II

такъ и скажи: у другихъ размѣняемъ.

«Жидъ окинулъ насъ глазами, отошелъ за двери, что были за прилавкомъ, и высунувъ оттуда голову, началъ зизикать:

— Нѣтъ-зе, господинъ служивой, за цѣмъ сутить съ нами бѣдными зидками; бѣда вѣдь коли начальство узнаетъ. Бѣда и вамъ и намъ. — Донести конечно у насъ нѣкому, а все . . .

— Да что ты мелешь, Иуда? донести начальству! будто начальство запрещаетъ намъ пить? пей да пьянъ не будь! что мы за красныя дѣвицы! да намъ и отъ Царя каждый день чарка идетъ; а другой разъ, какъ штормовую отпустятъ, такъ и двѣ. — Что ты мнешься, словно украсть хочешь, — экъ тебѣ приглянулась ассигнація! давай вина! или говори толкомъ...

— Господинъ служивой, вы люди цесные, ступайте отсюда съ Богомъ безъ суму; сказалъ жидъ почти совсѣмъ спрятавшійся за дверь. —

«Онъ еще бормоталъ въ полголоса оттуда, но я ничего уже не слыхалъ — такъ и ошибло столбнякомъ: жаръ и ознобъ мурашками забѣгали — я схватился за карманъ, въ которомъ лежали мои цѣлковики. — Ахъ ты хохоль проклятый, славно огрѣлъ! а какимъ смиреннымъ прикинулся, — проговорилъ я благимъ матомъ.

— Да что же такое попригчилось, Антипычъ? спросилъ Оомба.

— Какъ что, отвѣчала Антипычъ, — бумажка-то была фальшивая!

— Ха — ха — ха! покатились баковые слушатели Антипыча, а съ ними и самъ Антипычъ.

„Такъ-то вотъ и въ то время, — продолжалъ онъ — товарищи вышли изъ шинка на улицу

да и ну хохотать надо мной во всю ивановскую:

— Дорогонько же ты Антипычъ хохлу за ночлегъ, да за ужинъ заплатилъ. Хотя бы и въ Питерѣ въ растеряціи — въ ту же пору. Молодецъ, ухотилъ своими боками. Знать нашла коса на камень! — То-то я смотрю, прибавилъ еще одинъ изъ товарищей, жидъ взялъ твою ассигнацію, помялъ ее въ рукахъ, посмотрѣлъ къ свѣту, еще помялъ, почесалъ пейсы, и положилъ, какъ горячій уголь, на прилавокъ: мнѣ тогда и не въ домъ: анъ фальшивая! — ха — ха — ха!

«На бѣду идетъ мимо партіонный офицеръ. — «Что за шумъ?» урядникъ и рассказы ему все дѣло порядкомъ: вотъ моль, ваше благородіе, такъ и такъ было. —

— Ну, по дѣломъ тебѣ старому дураку; чѣмъ бы вернуть добру учить, а ты самъ хуже ихъ дурачишься. —

— Виновать, ваше благородіе!

— Что мнѣ виновать! изъ твоей вины не шубу шить; спасибо хохлу, что самъ за себя отквиталъ; а то бы прописалъ и тебѣ такова горячаго, что, до отставки бы не забылъ.

— И по дѣломъ бы, сказалъ Оомга. А только и хохоль мастеръ же своего дѣла.

— По чемъ знать, прибавилъ Ступаченко, можетъ онъ и впрямь не зналъ, что бумажка-то фальшивая; а ужъ такъ Богъ его за простоту помиловалъ, а тебя за удалъ и востроту попроучилъ. —

— Что правда то правда, перебилъ Антипычъ, и вѣстимо по дѣломъ: солдату не слѣдъ мошенничать: я съ той поры и самъ закаялся деньгами плутовать, а ассигнаціей трубку раскурилъ — Съѣстное когда выманить, я и теперь не прочь, особливо гдѣ нашего брата служиваго въ мясоѣдъ поститься заставляютъ; а деньги, оборони Христось! — «Вотъ тоже шли мы Черниговской губерніей. . . .»

— На фока галсъ! раздался съ юту голосъ вахтеннаго Лейтенанта. Кучка матросовъ разсыпалась въ одинъ мигъ, и принялись за дѣло. — Антипычъ первый былъ у фока галса и тянулъ за троихъ.

— Степанъ Антипычъ! расскажи еще что нибудь эдакое, сказалъ одинъ изъ матросовъ, осаживая галсъ. —

— Ладно, ладно молодецъ, расскажу коли слушать будутъ; вотъ только галсъ осадимъ да шкотъ вытнемъ, а булинъ-то кажись и трогать не будутъ: вѣтеръ не больно крутъ.

Ф. ВЕСЕЛАГО.

СУТКИ ПОДЪ СКАЛАМИ.

РАЗСКАЗЪ АЛЬФОНСА КАРРА.

Прошедшею осенью два путешественника прибыли въ небольшую гавань, лежащую между бухтами Гавръ де Грасъ и Фекамъ (Fécamp).

Одинъ изъ двухъ путешественниковъ, котораго мы не назовемъ — человекъ лѣтъ двадцати пяти; смуглое лицо его было блѣдно, станъ его, походка, всё показывало въ немъ человека сильнаго, привыкшаго къ тѣлеснымъ упражненіямъ.

Другой, — совершенно черный какъ смоль съ бѣлымъ ошейникомъ. Надо сказать что этотъ другой странникъ-скиталецъ былъ . . . Тернёвская собака; лапы ея, грудь и перообразный кончикъ хвоста — тоже бѣлыя, остальная одежда — чернаго цвѣта. Кличка его — Фрейшюцъ.

Рыбаки этой гавани въ два дня

успѣли истощить уже все свое любопытство на счетъ этихъ двухъ путешественниковъ.

Молодой человекъ выпивалъ охотно поутру стаканъ *джину* (можжевеловки), съ удовольствіемъ слушалъ рассказы, если только не уставали ему говорить, развѣзжалъ на лодкахъ въ какую бы-то ни было погоду, веслами работавъ мастерски, и не боялся морской качки.

Что же касается до Фрейшюца, тотъ какъ разъ нашелъ себѣ знакомыхъ.

Множество рыбаковъ, ѣздившихъ всякій годъ на Тернёвскую отмѣль и островъ Св. Петра, откуда привозятся собаки этой породы, говорили увидя Фрейшюца, на своемъ тарбарскомъ языкѣ: *un chien de saint - Pie!* (собака съ о. Св. Петра.)

Но надо сказать, что Фрейшюцъ